

Э. П. ХЭМП

ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ОБОРОТАХ ТИПА
ПОЛЬСК. *SAMOCZWART*, ЧЕШ. *SÁM ČTVRT*

П. Зволинский в своей работе «Liczebniiki zespolowe typu *samo-trzeć*» (Wrocław, 1954) довольно полно воссоздает картину развития этих числовых выражений, для которых он предлагает общую формулу $Y\ samo-Xt = Y + (X - 1)$. Такие выражения засвидетельствованы в польском, начиная с 1393 г. (*samoczwart*). Словосочетание *samodrug* (стр. 35)¹ находит аналогию в русском *сам друг*, чеш. *sám druhý*, словен. *sam(o)drug*, серб. *samodrug*, *sam drugi*. К 1696 г. выражение *samojeden* представлено в структурно параллельной форме, но в плеонастическом смысле *sam* «solus, ipse»; подобное же развитие наблюдается в русском, украинском, чешском и словенском.

Эти формы претерпевали постоянное упрощение своей морфологии в польском языке. В более ранний период своей истории они склонялись по трем родам, но ко второй половине XVI в. осталась лишь форма именительного падежа ед. числа мужского рода. Такое развитие, видимо, продолжает доисторическую тенденцию. Как ясно из рассмотрения материала старославянского (один раз, Супр., 158, 1), сербского (Zak Duš, 93, XVII в.), русского (уже в 1347 г.), украинского и особенно чешского (например, *sám čtvrt*, *sám třetí*, *sám čtvrtý*, 1464 г.), в ранний период развития рассматриваемой конструкции она представляла собой синтагму вида *sám-ъ/ā/o* + порядковое числительное, причем оба компонента были грамматически согласованы. Таким образом, синтаксическая структура изучаемого оборота не совпадает со структурой индийского словосочетания «*ātmanā* (творительный падеж) + количественное числительное», которое, однако, привлекается для сравнения Зволинским. Что касается балтийских языков, то литовские обороты *pàts antras* и *Noe patį ašmą užlajke* (2 Petr. 2,5) правильно рассматриваются Зволинским как обыкновенные кальки из славянского.

Легко заметить, что оборот «*sām* + порядковое числительное» n: « $Y + (n - 1)$ », где *Y* является синтаксическим антецедентом *sām*-, представляет собой пояснительное расширение «*Y ... порядковое числительное*»n. Так, если в греческом в формах, приведенных и сравниваемых Зволинским, строение изучаемого оборота обнаруживает форму «порядковое числительное + $\alpha\tau\acute{o}\varsigma$ » (у Феокрита + $\epsilon\acute{o}\nu\ \acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$), в более древний период эта конструкция явно имеет форму, представленную у Платона (Leg. $\epsilon\beta\delta\omicron\mu\omicron\varsigma$) и Плутарха (Pelop. $\delta\omega\delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha\tau\omicron\varsigma$), т. е. представляет собой обыкновенное порядковое числительное. Это сразу же напоминает нам о др.-ирл. конструкции типа *hésom triuss* (дат. падеж) — Wb7c8 «он как третий» (буквально: «он третий») и о средневековом уэльском *Trydyd Uedyf unben wyt* (Pedeir Keinc y Mabinogi, 49, 12) «ты — один из трех

¹ *Samowtor* встречается с 1400 г.

вождей, не обладающих крепкой хваткой», или *nawuet a estoues catgamlan* «один из девяти (буквально: девятый), который задумал битву при Камлане». Еще одно уэльское выражение подобного рода *ar y eil marchawc* «с одним рыцарем» (буквально: «на его втором рыцаре»), *ar y drydyd o gristonogyon* «с двумя другими христианами»² представляется, таким образом, более поздним развитием из первоначального грамматически согласованного порядкового числительного. Это произошло благодаря «внедрению» в рассматриваемый оборот предложного сочетания, целью которого было уточнить семантические отношения компонентов (подобно этому в славянском использовался поясняющий оборот анафорического *сам-*).

Все эти выражения, использующие количественные числительные в смысле «тот, кто составляет число *n*», указывают на явное индоевропейское происхождение семантики индоевропейских порядковых числительных, что было установлено Бенвенистом («Noms d'agent et noms d'action en indo-européen», Paris, 1947, стр. 145 и сл.) и упомянуто Уоткинсом (JSLP, 4, 1961, 8), но не замечено Семереньи в его книге «Studies in the Indo-European system of numerals». Как показал Бенвенист, порядковое числительное маркирует элемент, который завершает группу или ряд³. Поэтому общеславянское выражение представляет собой попросту это унаследованное употребление количественного числительного с введением в него согласованной анафоры; в кельтском, с другой стороны, очень долго сохранялось простое количественное числительное.

Зволинский далее привлекает для сравнения немецкие сложные слова на *selb-* + порядковое числительное; он отмечает эквивалентность смысла между *samowtŕ* «пьяный» и нем. диалектн. *selbander*. Он далее заключает (стр. 82): «наличие категории групповых числительных можно было бы поэтому считать весьма любопытной особенностью, связывающей славянские языки с германскими и отделяющей их от балтийских языков, которые можно было бы добавить к списку, составленному Лер-Сплавинским в его работе «O pochodzeniu i praoczyźnie Slowian». Однако имеются по крайней мере два возражения против такого заключения.

Немецкие образования на *selb-* слишком ограниченно представлены в пределах германской семьи языков, чтобы их с полным правом можно было бы отнести к обще- (или пра-) германскому. В древнеисландском, видимо, использовалась только конструкция типа *með tolfja mann*, *með fimta mann* (= «в качестве пятого человека») и т. д., что напоминает некоторые из уэльских конструкций, приведенных выше. Можно ли усмотреть здесь кельтско-норвежское влияние? В самом немецком языке рассматриваемое словосочетание достаточно хорошо известно. Беглое ознакомление со словарем Гримма (X, 1, стр. 423—428) обнаруживает, кроме *selbander*, большое количество таких сочетаний, как *er kam selbdritt(er)*, а также *selbviert*, *-fünfft*, *-sechst*, *-siebent*, *-acht*, *-neunt*, *-zehnt*, *-zwölft*, *-dreizehnt*, *-zwanzigt*. Подобные же формы проникли в нидерландский: *self-zulfander*, *zelf-sulfderde*, *sülfjöfte*. Трудно сказать, что именно означает пробел в *selb dreyzehend* (Nürnb., 1427), но вряд ли можно усомниться в том, что в более ранний период свободно использовалась флективная конструкция, не являющаяся сложным словом (Wörterbuch, X, 1, стр. 427) и представленная сочетанием типа *selbe vierden*, что особенно наглядно демонстрируется

² См.: D. S. Evans, A grammar of Middle Welsh, Dublin, 1964, стр. 48.

³ Поразительно, что, хотя Э. Бенвенист приводит факты из ведического, иранского, гомеровского и классического греческого, из латыни и один пример из древнерусского, он совершенно не упоминает ясных фактов кельтского, не говоря уже об изучаемом явлении в славянских и германских языках, обсуждаемых в настоящей статье.

инверсией в конструкциях *vierda selbe* (Nibel. 416, 4) или *er sechster selb und sieben* (= «selbdreizehnt»), хотя последняя носит явно поэтический и стилизованный характер.

В различных ветвях самого славянского сложное слово развилось сравнительно недавно, чтобы его с полным основанием можно было отнести к общеславянскому. В самом деле, сложное слово легко выводимо из более комплексного словосочетания, связанного грамматическим согласованием, которое довольно рано появляется во всех без исключения ветвях славянского; как мы только что заметили, это словосочетание можно, естественно, понимать как простое синтаксическое расширение известного индоевропейского «стыка» семантики с морфологией (словообразованием). Поэтому, если отвлечься от инноваций, то вряд ли можно допустить, что-либо общее между указанной конструкцией в славянском и германском, рассматриваемыми как целое. Вместо этого в славянском мы, видимо, имеем преобразованный реликт архаической индоевропейской конструкции.

Действительно, при ближайшем рассмотрении фактов немецкого и славянских языков можно, как мне кажется, увидеть развитие изучаемой конструкции в совершенно ином свете. Немецкая конструкция на *selb-* распространена по всему немецкому языковому ареалу и даже вклинивается в нидерландский. Но из всех германских языков этот континуум является территориально ближайшим к славянской языковой зоне. Что же касается немецкой конструкции, то, хотя сложное слово стало преобладать в последнее время, не подлежит сомнению, что в более ранний период было широко распространено синтаксическое словосочетание (*phrased*) с согласованием компонентов. Как мы уже видели, для славянского в более ранний период было типично словосочетание с согласованием и лишь в сравнительно недавнее время стало преобладать сложное слово. Более того, интересна география распространения указанной конструкции в пределах славянского: сложное слово наиболее распространено в польском, украинском (который испытывал влияние со стороны польского), в словенском и частично в сербско-хорватском. Все эти языки находятся на периферии немецкой языковой зоны и обнаруживают значительное влияние немецкого языка. Русский язык, с другой стороны, сохраняет согласованное словосочетание. В чешском находим оба типа; кажется вероятным, что сохранение согласованного словосочетания представляет собой лишь еще один из известных преднамеренных консервативных славизмов, которые мы часто обнаруживаем в чешском.

Таким образом, славянский унаследовал индоевропейское употребление порядкового числительного в значении «тот, кто составляет группу или ряд» и в ранний период своего развития как отдельный диалект расширил изучаемую конструкцию посредством **sám-* с согласованием. В ранний период развития немецкого языка эта конструкция была заимствована путем распространения из соседних славянских языков; это произошло достаточно рано, чтобы немецкий эквивалент мог распространиться по всему немецкому языковому континууму вплоть до Нидерландов. Постепенно в немецком рассматриваемая синтагма была превращена в сложное слово с фиксированным порядком компонентов; это было облегчено тем обстоятельством, что в обеих конструкциях некоторые формы *selb* постоянно выступали без какого-либо явного окончания. Впоследствии, на повороте тысячелетия, славяне в тесном контакте с немцами начали заимствовать конструкцию со сложным словом, что особенно проявилось в польском и словенском.

Резюмируя сказанное, можно сказать, что перед нами унаследованная индоевропейская конструкция, которая впоследствии в различные периоды истории распространилась в двух направлениях.